

СИБИРСКАЯ ЯЗВА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ РУССКИХ КРЕСТЬЯН ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В конце жаркого июля 1923 г. в одной из отдаленных деревень Абалакской волости Тобольского уезда разворачивались события, поистине напоминающие картину из средневековой жизни. Местные жители были повергнуты в смятение гибелью нескольких лошадей от сибирской язвы. Тревогу вызывало и наличие признаков этой страшной болезни у некоторых мужчин. Не наблюдая видимых причин распространения заболевания и подозревая во всем этом действие недобрых сил, деревенское общество решило провести ряд мероприятий для выявления источника. С этой целью из соседней деревни была приглашена знахарка, которая с помощью целого ряда гадательных процедур установила, во-первых, что болезнь действительно является результатом действия порчи, во-вторых, порчу эту наслали три «колдуньи» – девочки шести, девяти лет и молодая женщина двадцати лет. Сделав дело и получив соответствующее вознаграждение, знахарка отправилась восвояси, а общество приступило к «искоренению» зла. Сначала было задумано утопить «колдуний» в озере, но, резонно решив не портить воду, их заперли в бане с тем намерением, чтобы на следующий день окончательно определить участь. Трагедию предотвратило появление милицейской команды¹.

Пожалуй, ни одна из болезней, имевших распространение на территории Западной Сибири, не оставила такого глубокого следа в сознании сибиряков, как сибирская язва. В представлениях о ней причудливым образом слилось рациональное и иррациональное. Эпизоотии различного масштаба бывали в Сибири ежегодно². Непредсказуемость возможных результатов эпизоотии порождала в народе неустойчивую, накаленную атмосферу страха. Там, где коллективный народный опыт объективно был не способен получить знание об истинных причинах болезни и не мог противопоставить ей достаточно надежных способов борьбы, в действие вступали механизмы иррационального осмысления ситуации.

¹ ЦДНТО. Ф.1. Оп.5. Д.57. Л.146 об.

² Миленко Н.А. Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Западной Сибири XVIII – первой половины XIX в. М., 1991. С.137–143.

Однако крестьяне никогда не мирились с болезнью и не сдавались на милость сил природы. Познакомившись с этой болезнью уже в давние времена³, к XVIII в. русские крестьяне обладали общим представлением о сибирской язве, прежде всего о внешних признаках – «знаменах». Например, в рукописном лечебнике последней трети XVII в., который, по мнению Н.С.Котковой, принадлежал подьячему Троице-Сергиева монастыря Федору Родионовичу Глазкову, дано такое описание этой болезни: «А у кого будет явится язва выкинется как чиришко красен и иной бледен и того ж дни или назавтрее у кого верх загниет или посинеет или почернеет или помертвует кругом красенко или бледно а иная болячка как пятно без верху и без отоку а иная как мозол или как озженной водыр вскочит»⁴. Тобольский врач И.Петерсон сообщал в конце XVIII в., что «некоторые сибирские жители разделяют сию болезнь на пять родов, как то: 1. Редешная, 2. Чирьевая, 3. Шапошная, 4. Разсыпная и 5. Внутренняя»⁵. В источнике начала XIX в. (1809 г.) описывается три степени болезни⁶. В конце XIX–начале XX вв. крестьянами Тюменского уезда различалось два вида болезни – «нутренная» и «наружная» (или «верховая»). «Нутренная» развивалась внутри организма и определялась по некоторым признакам: глаза у больного становились мутными и покрывались синеватыми пленками, он слабел и быстро худел. «Наружная» сибирская язва проявлялась в двух формах – чирьевой и в форме подкожной опухоли; отсюда и названия – «чирьевая» и «поплавная». «Чирьевая» – накожная опухоль с гноящимся чирьем – по цвету делилась на «красную», «белую», «черную». Когда подкожных опухолей было несколько, то «поплавную» форму называли еще «рассыпной»⁷.

С внешними признаками этой болезни были знакомы многие сельские жители. Интересы охраны личного здоровья, хозяйственного благополучия семьи требовали от крестьян внимательного наблюдения за состоянием животных, особенно в жаркое время года, когда появление эпидемий было наиболее вероятно, с тем чтобы вовремя отделить больных животных от здоровых, а это, несомненно, требовало хотя бы элементарных знаний признаков болезней. «Местные крестьяне», «многие крестья-

³ Первые описания эпидемии сибирской язвы встречаются в русских летописях под 1309, 1321, 1375 гг. См.: Кузиков В.К. Очерки развития естественнонаучных и технических представлений на Руси в X–XVII вв. М., 1976. С.288.

⁴ Коткова Н.С. Лечебник последней трети XVII в. // Источники по истории русского языка XI–XVII вв. М., 1991. С.185.

⁵ Петерсон И. Краткое описание болезни, в Сибири называемой ветреною или возлушною язвою, с показанием простых и домашних врачебных средств от оной. Собрано из разных о сей болезни имеющихся известий Тобольского наместничества правящим должность доктора, коллежским ассессором и штаб-лекарем Иваном Петерсоном. Тобольск: Тип. В.Корнильева, 1790. С. 4 нн.

⁶ ГАТО. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 70. Л.99–99 об.

⁷ Городцов П.А. Сибирская язва // Зап. Тюмен. о-ва науч. изучения местного края. Вып.1. Тюмень, 1924. С.70–71.

не», «все крестьяне этого села», «они сами (знахари.—В.Т.) и соседние крестьяне» неоднократно выступают субъектами знаний о сибирской язве и других болезнях у П.А.Городцова⁸. Г. Колмогоров писал в середине XIX в., что летом, во время сильной жары и «сильного овода», тарские крестьяне по два раза, утром и вечером, осматривают каждую скотину и при первых признаках сибирской язвы немедленно «отделяют зараженных и лечат», а при усилении эпизоотии «съезжаются целые семейства, женщины и девушки, и все днем и ночью осматривают скот и лечат»⁹.

Архивные фонды органов местного управления буквально наводнены рапортами об обнаружении в том или ином месте «заразительных болезней на людей и на скот». Очевидно, чтобы проинформировать вышестоящий орган о болезни, распространяющейся на подведомственной им территории, местные административные чины должны были ориентироваться в признаках заболеваний или, во всяком случае, должны были опираться на знания сведущих людей. А сведущими в сибирской деревне, особенно на ранних этапах освоения и вплоть до третьей четверти XIX в., могли быть только сами крестьяне, так как врачей в Сибири всегда было мало¹⁰.

Знание первых признаков болезни и страх перед возможными непредсказуемыми последствиями приводили к тому, что очень часто крестьяне любую язву, прыщ на теле воспринимали как признак надвигающейся сибирской язвы. И.Петерсон писал, что «почти каждая наружная болезнь, как-то угри, кровавые чирьи, веред, рожи и другие возжения, случающиеся в летнее время, почитаемы были, от незнающих деревенских жителей за сию воздушную язву»¹¹. В XIX в. окружные врачи, выезжавшие в места появления очагов заболевания сибирской язвой, часто сообщали, что местные крестьяне «под влиянием страха» принимали за сибирскую

⁸ *Городцов П.А.* Сибирская язва. С.55–57.

⁹ *Колмогоров Г.* Скотоводство и рыбководство в Тарском округе Тобольской губернии // ЖМВД. 1857. Кн.4. С.16–18.

¹⁰ В первой половине XIX в. по штату присутственных мест в губерниях Тобольской, Томской, Иркутской (1804, 1805 гг.) в западносибирских губерниях полагалось по 6 чиновников во врачебных управах и 35/31 медицинских чинов. Но и положенные штаты никогда не были полностью заполнены. В 1864 г. вакантными были 20 мест, в 1868 – 8, 1869 – 7, в 1870 – 10, в 1871 г. – 4. По данным Сибирской энциклопедии, в 1880 г. врачебный персонал Западной Сибири насчитывал 10 врачей городских и 22 окружных, уездных и объездных. Рост числа медицинского персонала происходит в последние два десятилетия XIX в. Например, в Тобольской губернии в 1884 г. было 29 врачей, в 1889 – 45, в 1892 – 47, в 1900 – 67. Однако основная масса врачей находилась в городах: в 1889 из 42 – 35, в 1892 из 47 – 37. См.: Сибирь в XIX столетии / Сост. В.К.Андреевич. СПб., 1889. Ч.1: Период от смерти Екатерины II до 1806 г. С.254, 259.; ТФ ГАТО. Ф.152. Оп.32. Д.809. Л.4–5 об.; Оп.33. Д.155. Л.29–41; Сибирская советская энциклопедия. М., 1929. Т.1. Стб. 90; Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884. С.237; Календарь Тобольской губернии на 1890 г. Тобольск, 1889. С. 221–227; Календарь... на 1892 г. Тобольск, 1891.С.111–116; Адрес-календарь Тобольской губернии на 1901 г. Тобольск, 1900. С.48.

¹¹ *Петерсон И.* Краткое описание болезни... С.2.

язву то «опухоль груди», то «скоростные нарывы», то опухоли желез¹². Иногда в распространении слухов врачи обвиняли деревенских лекарей, которые якобы из корыстных целей специально поддерживали в обществе мнение, что какое-нибудь язвенное воспаление на теле или опухоли внутренних желез (особенно шейных) и есть сибирская язва¹³.

Фигура специалиста-знахаря, лечившего сибирскую язву, была характерной для Сибири. Они часто упоминаются в документах. Лечением сибирской язвы занималась казацкая жена Дарья Актусова, крестьянин села Лузинского Омского округа Лаптев, крестьянин села Червишевского Тюменского округа Г.Ляпин, крестьянка села Тугулымского Арина Калинина¹⁴. Существование таких «узких» специалистов-«сибиреязвенников» обуславливалось, очевидно, объективной нуждой сибирских крестьян иметь в достаточном числе людей, способных лечить болезнь, почти повсеместно и ежегодно появлявшуюся на территории Сибири.

По всей видимости, деятельность деревенских знахарей имела реальные положительные результаты. Успешно практиковал лечение сибирской язвы дядя известного тюменского купца-мецената Н.М.Чукмалдина. Вспоминая о нем, Чукмалдин писал, что «городские медицинские чины неоднократно запрещали ему деятельность, но каждый раз, когда возникала эпидемия и они не могли с ней справиться ... городская администрация разрешала дяде практику лечения...». Результаты его деятельности представлялись Чукмалдину поразительными. «Бывало, – пишет он, – большое животное к нему приведут уже обреченное на то, чтобы оно подохнет, но животное от его лекарства неизменно выздоравливало. Позовут его порой и к больному человеку этой же болезнью и не слыхивал примера, чтобы больной не поправился»¹⁵.

Источники почти не фиксируют точного числа излеченных тем или иным знахарем людей. В документах об этом говорится в общих чертах – «мужики лечатца между собой знающими крестьянами и вылечиваются без сумнения». К лекарю Лаптеву из села Лузинского привозили больных «для излечения из других деревень»¹⁶. В 1783–84 гг. жителей нескольких деревень верхнего стана Тюменской округи успешно пользовал от «заразительной болезни» вятский крестьянин Захар Зотов сын Салтыков. Выборный села Рождественского Терентий Погодаев сообщал, что Салтыков был у них в 1783 г. для «излечения от заразительной болезни на людях и на скот и всему жителствующему в селе ползу чинил». Вылечил

¹² ТФ ГАТО. Ф.152. Оп.32. Д.793. Л.12 – 12 об.; Оп.33. Д.117. Л.23, 26, 43, 53; ГАТО. Ф.И-3. Оп.1. Д.805. Л.3.

¹³ ТФ ГАТО. Ф.152. Оп.32. Д.793. Л.6–8 об.

¹⁴ Там же. Оп.33. Д.35. Л.16. ГАТО. Ф.И-10. Оп.1. Д.2337. Л.3 об.

¹⁵ Чукмалдин Н.М. Мои воспоминания. СПб., 1890. С.98–99.

¹⁶ ТФ ГАТО. Ф.152. Оп.32. Д.793. Л.8–8 об.; ГАТО. Ф.И-10. Оп.1. Д.2331. Л.1 об.

он тогда 103 человека¹⁷. В 1822 г. в результате лечения известью и напатырем из 14 человек, заболевших сибирской язвой в деревне Усалка Покровской волости Тюменского округа, местными «знающими» крестьянами были вылечены 11 человек и только трое умерло¹⁸.

Раннее и длительное «знакомство» с этим заболеванием стимулировало и поиск всевозможных лекарств. Уже в XVII в. русские крестьяне использовали в борьбе с ним довольно значительный арсенал средств. Например, в лечебнике Ф.Д.Гладкова описан способ лечения сибирской язвы выжиганием. «Оо. А пытати язва всякая уткнуть иглою и будет ч[еловек] // не услышит и внутри у ней твердо и ты ту язву выжигай железо розжигаю гораздо а жги не жалуя язву гораздо и широко всю синость в язве выжигай и около синости с поживое тыле обожги со все четыре стороны а бывает в тои язве ядро глубоко в язве бело как в чире и ты и ниже ядра повыжги глубоко для того чтоб все кореня злые тос язвы выжечи и вывести злость ее так повелевают лекари те злые язвы выводит...»¹⁹. В лечении также применялись мази (малханы) с добавлением сулемы, мышьяка, напатыря и пр.²⁰ Все эти средства и способы лечения были перенесены русскими поселенцами в Сибирь и получили здесь свое развитие.

В 40-х гг. XVIII в. геодезист И.Шашков отмечал, что в Томском уезде «язвы более по реке Оби, выше Чаусского острогу, некоторые лечат, разжевши железо, оную выжигают», здесь также использовали траву «блашницу, она же и душица», настойку полыни²¹.

Иртышские казаки, по сообщению академика И.П. Фалька лечили сибирскую язву травой серпухой, мазью из напатыря и курительного табака, вскрывали опухоль до дна язвы и накладывали мазь. Процедура повторялась через 8–10 часов до трех, пяти и более раз²².

В конце XVIII – начале XIX вв. аналогичные рекомендации «простому народу» давали и врачи. В 1790 и 1797 гг. в Tobольске в типографии Корнильева выходила книга И. Петерсона о сибирской язве, в которой он сообщал, например, что, объезжая в 1784 г. Ишимскую и Омскую округа для лечения сибирской язвы, наблюдал, как местные жители при ее лечении делали накалывание и прикладывали разные едкие припарки, сулему, ярь венецианскую, мышьяк, «крепкую водку»²³. Эти вещества издавна бы-

¹⁷ ГАТО. Ф.И-10. Оп.1. Д.2331. Л.1–1 об., 8–8 об., 10–18.

¹⁸ Там же. Ф.И-23. Оп.1. Д.17. Л.17, 21, 25, 26.

¹⁹ Коткова Н.С. Лечебник... С.185.

²⁰ Там же. С.185–186.

²¹ Миненко Н.А. Экологические знания... С.142.

²² Фальк И.П. Записки путешествия академика Фалька // Полн. собр. учен. путешествий по России. Т.6. СПб., 1824. С.372–375.

²³ Петерсон И. Краткое описание болезни... С.2 нн.

ли знакомы русским ремесленникам, ими пользовались при лечении различных заболеваний и раньше²⁴.

«Обыкновенным» средством, употреблявшимся сибирскими жителями, был состав из нескольких листьев табака, мелко изрезанных, нашатыря, спирта или двойной водки. Жители города Тары в водку добавляли астраханский перец (24 стручка) и нашатырь. На Иртышской линии употреблялся состав из пепла трав полыни и тысячелистника с известковой водой, уриной и вином. На Уйской линии сибирскую язву лечили тем, что к опухоли прикладывали горячие лепешки, приготовленные из травы пес-лон (или псинка, lat. *Solanum*), овсяной муки и нашатыря, замешанных на пивных дрожжах. Все эти средства применялись на первой стадии болезни, когда только появлялась опухоль. В том же случае, когда болезнь прогрессировала и «опухоль не уменьшается, а вместо того прибавляется, и в антонов огонь переходит, что из распространения красной точки, которая тогда почернеет, приметить можно...», сибирские жители, по словам доктора, имели «привычку таковыя опухоли шилом или иглою, в некоторых местах прокалывать». Против этого доктор в принципе не возражал, но полагал, что лучше опухоль не прокалывать, а вскрывать острым ножом или ланцетом. Он также рекомендовал применять для примочек свежую мочу, а состоятельным гражданам – «канфарный спирт» и порошок из «коры хинхины»²⁵.

Четверть века спустя медицинский чиновник Тобольской врачебной управы акушер Воронцов разработал новое наставление для крестьян о сибирской язве. Он давал подробные инструкции к применению лекарственных средств на различных стадиях заболевания. При первых признаках болезни в наставлении предлагалось взять «венецианского мыла 2 золотника, камфарного спирта 12 золотников, спирту 6 золотников, скипидару 3 золотника. Смешать, сим спиртом натирать опухоль и прикладывать намооченные в оном ветошки или суконки, переменять когда высохнут. Ежели опухоль ещё мала, то не надо ее прокалывать и она проходит от одной сей примочки. Когда же она усилилась, то должно ее в различных местах около красного или уже черноватого средоточия проколоть до здорового места ... и приложить следующее: возми крепкого щелоку, извесковой воды 1/2 штофа, тертаго табаку и простого мыла по 1/4 фунта, вари сие на легком огне пока 4-ая часть укипит, процедя распусти в оном нашатырю 16 золотников, камфары, распушенной наперед в водке 3 золотника. Намоченные сим раствором ветошки прикладывать и переменять когда высохнут...

²⁴ Кузаков В.К. Очерки развития... С.194, 203, 210–212.

²⁵ Петерсон И. Краткое описание болезни... С.15–25.

Если опухоль почернеет ... то в таком случае возми простого мыла и, примешав в оное нашатырю, с помощью водки до густоты теста и прикладывая до того, пока не отделится чернота и не произойдет рана.

Сию рану залечивать мазью составленную из равных частей: сосновой смолы, бараньего сала, деревянного или другого масла»²⁶.

Это наставление (и подобные ему) было предписано отпечатать в необходимом количестве и разослать по всем волостным правлениям, что и было сделано. Об этом сообщал сам автор наставления. «Ныне обозревая по обязанности моей медицинский порядок по Тобольской губернии нашел правда, что в волостных правлениях листы описания моего сибирской язвы имеются, прибиты на стенах...»²⁷. Книга И.Петерсона также рассылалась по волостям. В Курганском уезде земский исправник провел «растолкование» о пользе присланной книги, после чего «дальних селений жители с тех книгах в волостных судах списывали себе копии»²⁸. «Книшка тобольского доктора Петерсена» упоминается в рапорте усть-ницынского волостного суда, направленном в 1794 г. в тюменский уездный суд²⁹.

Источники XIX в. изобилуют описаниями средств, которыми пытались лечить сибирскую язву крестьяне.

В копии «Исторической записки о начальном появлении сибирской язвы в Иркутской губернии, о свойствах и признаках к пользованию и предохранению от оной» (1809) давалась такая рекомендация: когда появится желвак или твердая опухоль, то проколоть ее иглой «вокруг и по середине до здорового места» так, чтоб появилась кровь, затем «натирать нашатырем, смешанным с табаком, или пересыпать тертый нашатырь и прикладывать листовой табак, примачивая больное место спиртом или простым вином, настоенным камфарой»³⁰. Здесь же описывалось специфическое средство, так называемый китайский пластырь, который использовали забайкальцы. Он состоял «из корней растений: 1) зундур, 2) шудан, 3) рюда, 4) агуса, 5) мерха (или каварожья струя), 6) харагогуль (черный или росной ладан), 7) серанчюнгуй, 8) мусы или горючая сера». Китайское название пластыря звучало так – «сцын-динь-дзи»³¹.

В 1822 г. на территории Тобольской губернии (преимущественно в Тюменском уезде) наблюдалась вспышка сибирской язвы. В циркуляре губернского правления местным административным чинам предлагалось использовать средство, уже опробованное в 1821 г. в Тобольске по реко-

²⁶ ТФ ГАТО. Ф.329. Оп.1. Д.2. Л.221 об.-223.

²⁷ Там же. Л.230–231.

²⁸ *Соболева Г.Н.* Издания типографии Корнильских конца XVIII в. в кругу чтения сибиряков // Книга и книжное дело в Сибири. История, современность, перспективы развития. Новосибирск, 1989. С.35.

²⁹ ГАТО. Ф.И–10. Оп.1. Д.2337. Л.19–19 об.

³⁰ Там же. Ф.И–7. Оп.1. Д.79. Л.99 об.

³¹ ГАТО. Ф.И.7. Оп.1. Д.79. Л.100–100 об, 102–102 об.

мендации городского врача Есикорского. Для его приготовления берется «по усмотрению несколько извести, пазывасмой кипелкою, и перемешивается с молотым табаком». Вместе с этим предписанием рассылались и необходимые компоненты (известь и табак)³². В Гилеволитовской и Покровской волостях руководство борьбой с эпидемией возглавил частный комиссар. В рапорте губернатору он доносил, что возвращаясь из отдаленных мест Еланского комиссарства, он узнал, что в деревне Усалка 14 июля «появилась на людей болезнь, называема сибирская язва». В то же время им были предприняты меры «к пользованию людей средством порошка», который состоял из трех частей «извоздки нежженой», смешанной с теплым табаком и нашатырем. Этим составом натиралось предварительно проколотое «опухшее место ... потом из одного же порошка» прикладывал на большое место «довольную часть на листовом табаке» и делал перемены «оной по надобности». Для испытания «лучшего средства» комиссар пригласил для освидетельствования медицинского чиновника. Тот подтвердил, что порошок, составленный из извести, тертого табака и нашатыря, «есть средство полезное», и добавил, что лучше, если лист табака окунать в водку. В конце рапорта комиссар сообщал, что из 14 больных умерло трое, 5 – выздоровело, а остальные «находятся в положении весьма обещающим выздоровление»³³.

Неграмотная крестьянка деревни Лучинкиной Тугулымской волости Арина Калинина в 1823 г. лечила отставного солдата А.С.Макарова, заболевшего сибирской язвой, при помощи холодной примочки, составленной из «растворенного табаку, смешанного с частию нашатыря, селитры и вина»³⁴.

В 1825 г. из Ишимского земского суда сообщали о появлении сибирской язвы в Тоболовской волости (один человек умер, пятеро были заражены). Крестьяне лечились употреблением «нашатыря в вине, даваемых в пите больному, прикладывание к тем местам, где чувствуют боль, намоченного вином и нашатырем листового табаку...»³⁵. В 1864 г. курганский окружной врач Огильяти пользовал крестьян такими же средствами – опухоли разрезал, где можно было до основания, разрезы прижигал селитрой³⁶. В июле 1873 г. омский окружной врач Ливанов побывал в Лузинской и Драгунской волостях, где якобы появилась сибирская язва. Болезни врач не обнаружил, однако узнал, что в деревне Лузиной есть крестьянин Лаптев, который занимался лечением сибирской язвы. Из личных бесед Ливанов узнал, что знахарь лечит «неделю и боле; табаком с мылом, а внутри

³² ГАТО. Ф.И-10. Оп.1. Д.2346. Л.98-98 об., 99-117.

³³ Там же. Ф.И-23. Оп.1. Д.17. Л.3-22.

³⁴ Там же. Ф.И-10. Оп.1. Д.4466. Л.334-334 об.

³⁵ ТФ ГАТО. Ф.329. Оп.1. Д.2. Л.129-129 об.

³⁶ Там же. Ф.152. Оп.32. Д.344. Л.138-139.

дает водку с наштаырем, в пицу дает отвар и чай» (из каких трав, в рапорте не указано). На квартире у Лаптева врач осмотрел больного, правая сторона шеи у которого была «растравлена» едким раствором, употреблявшимся знахарем, – соком лютика (едкого). На случай появления опасной болезни Ливанов рекомендовал местным жителям» делать глубокие надрезы на опухоли и прижигать каленым железом или присыпать едкими средствами: наштаырем, табаком»³⁷.

Источник 80-х гг. XIX в. сообщает, что жители Тобольской губернии «место, пораженное сибирской язвой, накалывают иглой до крови и сыплют на него наштаырь с табаком»³⁸. В 90-х гг. в Тюменском уезде сибирскую язву лечили прикладыванием к больному месту пережеванных листьев табака, пересыпанных порошком наштаыря³⁹. Аналогичными средствами лечили «сибирку» и в землях Донской области⁴⁰.

Наконец, в уникальной по полноте материалов о сибирской язве статье П.А.Городцова приводится описание лечебной практики четырех знахарей из Тюменского уезда в начале XX в. В качестве лекарственных средств знахари использовали сулему, водку, урину, черный порошок, наштаырный спирт, артимонию (?), черный наштаырь, крапиву, листовой табак, конопот («горькая трава»), горький лютик, деготь, наштаырь с парным молоком, синий купорос, ярь, сливки (как основу для мази), конопляное масло, глину со льдом⁴¹. Применялось тюменскими крестьянами и оперативное вскрытие опухоли и язв с помощью шила, ножа или, в крайнем случае, разгрызание, а также прижигание язвы горячей смолой⁴².

Разгрызание зубами не встречается в ранних источниках и свидетельствах XVIII в. Однако медицинский чиновник Воронцов в своем наставлении в 1825 г., повествуя о «незаразительности болезни», подкреплял это утверждение описанием «старинного способа лечения», который «и

³⁷ ТФ ГАТО Ф.152. Оп.32. Д.793. Л.8–8 об., 10.

³⁸ Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. С.244.

³⁹ Скалозубов Н.И. Материалы к вопросу о народной медицине. Народная медицина в Тобольской губернии // ЕТГМ. 1904. Вып. XIV. С.25.

⁴⁰ Донские казаки крестообразно разрезали язву, рану присыпали сулемой, камфарой с табаком и наштаырем или прикладывали припарку из листьев табака, размоченных в горячем уксусе, внутрь давали рюмку водки с наштаырем. См.: Торэн М.Д. Русская народная медицина и психиатрия. СПб., 1996. С.154.

⁴¹ Городцов П.А. Сибирская язва. С.73, 82, 83, 86, 92, 96–102; Он же. Моча (urina) в народной медицине // ТОКМ. 5090/224. Л.20.

⁴² Городцов П.А. Сибирская язва. С.79 и др. Прижигание в народной медицине было довольно распространенным способом лечения, который применялся при самых различных заболеваниях. При «ломоте» в костях, болях в спине, груди или голове простудного происхождения сургутяне, например, «жгли ядно». Для этого на больном месте поджигали кусочек трута. Затем к образовавшейся ранке прикладывали свежую зайчатину с мылом и ждали, пока рана загнойтся и из нее вытечет «дурь» (они полагали, что кровь в человеческом организме «перегнивается и делается дурью»). После этого рану постоянно протирали и прикладывали заячью шкуру до тех пор, пока рана не начнет заживать. См.: Некленов И.Я. Народная медицина в Сургутском крае. СПб., 1900. С.16. Выжигание трутом или ярью рака применялось крестьянами Тюкалинского уезда. См.: Скалозубов Н.И. Материалы к вопросу... С.19.

ныне иногда употребляется: закусывать зубами опухоль сибирской язвы ... сей способ состоял в том, что захватят зубами и раскусят всю средину желвака...». В этом же году из Тарского уезда сообщали, что в Бутаковской, Аевской и Рыбинской волостях Тарского округа «вылечиваются люди напатырем с табаком якобы и закусыванием зубами смелыми из них...»⁴³,

П.А.Городцов в начале XX в. утверждал, что ему были известны случаи, «когда знахари разгрызают кожу и чирий, не принимая даже такой малой предосторожности, как прикрытие больного места тряпкой, и они разгрызают чирий и опухоль и кожу на них прямо зубами». Это было проявлением, своего рода знахарской лихости, что очень нравилось крестьянам, т.к. они считали, что таких смелых знахарей сибирская язва боится.⁴⁴

У Городцова также есть описание такого лечебного приема, как «заволока» (или «проволока» по терминологии одного из знахарей), не встречаемого в других источниках. Лишь И. Петерсон, описывая «предосторожность, взятую в 1784 году в сибирском драгунском полку во время свирепствования сей болезни над лошадьми», вскользь упоминает о заволоке. В частности, он пишет, что все лошади, содержавшиеся в стойлах, были вымазаны «составом, сделанным из дегтя, скипидара, чесноку и напатырю, и у всех же были протернуты заволоки» (выделено мной–В.Т.)⁴⁵. Интересно также отметить, что описанный состав, использовался крестьянами и в более позднее время. В 1807 г. в инструкции, распространявшейся по земским судам, о действиях для предохранения и лечения сибирской язвы, описывалось средство, которым рекомендовалось натирать скот перед выгоном. Чиновники врачебной управы советовали крестьянам «сварить в двух фунтах конопляного масла одну хорошую горсть верхушек конопляной свежей травы так, чтоб с четверть часа кипело, затем процедить и выжать траву, прибавить столовую ложку скипидару – сим составом, при выпуске лошадей в табун или в поле, мазать все их мяхие места...»⁴⁶. Эти составы применялись для отпугивания кровососущих насекомых, т.к. считалось, что именно они являлись главными переносчиками инфекции⁴⁷.

«Заволоку» знахари рассматривали как подсобный лечебный прием. Он состоял в том, что тонкую полоску свежего меженного лыка, обсыпанную порошком сулемы, с помощью иглы пропускали через чирий так, чтобы заволока прошла как можно глубже, но не задевала здоровых тканей. На концах заволоки делались узелки, чтобы нить не выпала. Испол-

⁴³ ТФ ГАТО. Ф.329. Оп.1. Д.2. Л.55, 221.

⁴⁴ Городцов, 1924. С.73.

⁴⁵ Петерсон И. Указ.соч. С.44–45.

⁴⁶ ГАТО. Ф.И–3. Оп.1. Д.805. Л.2об.

⁴⁷ Там же. Л. 2об.; Ф.И–7. Оп.1. Д.79. Л.98 об.–99; *Городцов П.А. Сибирская язва. 1924.С.58–60.*

зовался этот прием для усиления оттока гноя из чирия. Знахарь Д.Н. Плеханов вместо лыка применял очищенную конопляную кудель, смоченную в купоросе или крепкой водке.⁴⁸

Чрезвычайно интересным представляется описание обряда «взятия скота в круг», приводимого П.А.Городцовым. Это обряд совершался в ночь на Великий четверг на страстной неделе либо в индивидуальном порядке над скотом отдельной крестьянской семьи, либо в коллективной форме над скотом всей деревни. В первом случае обряд мог проводить хозяин, во втором – только специально приглашенный сходом знахарь. Сравнительный анализ записей действий трех знахарей – Ф.Л.Сазонова, Д.Н.Плеханова и Л.Л.Заякина, показывает их большую однородность. Обряд в исполнении Д.Н.Плеханова более развернут и, кроме того, Плеханов один из немногих знахарей, проводивших «взятие скота в круг» для сельских обществ. Приведем краткое изложение обрядовых действий.

Прежде чем приступить к исполнению обряда Д.Н.Плеханов делал некоторые приготовления. Заготавливались три сорта ладана (простой кадильный, росной и зсмляной). Готовился наговоренный воск из пасхальной свечи (или капельного воска), который приобретался обязательно за деньги. В воск вкатывались порошок и ладан и он заговаривался. Для проведения обряда также требовались новый глиняный горшок и кухонная клюка.

В ночь в назначенный срок (если обряд проводился в отдельном домохозяйстве, то в ночь на Великий четверг, если по просьбе мира, для обережения скота всей деревни от надвигающейся болезни или других напастей, то в ночь на день, который указывался сходом) знахарь в новый глиняный горшок укладывал угли из загнетки и сверху ладан. В правую руку брал клюку и шел в ограду (или на поскотину), где стоял скот. Обходил посолонь, носком клюки проводя непрерывную борозду. При этом читались тексты заговоров. Завершив обход, он вкатывал в гриву (лошадям) или челку (коровам, овцам) наговоренный воск. Потом шел в дом и высыпал уголь в загнетку. Если же обряд проводился в новом доме, или усадьбе, или на поскотине, то после обхода знахарь шел на середину ограды (поскотины) вырывал яму куда ставил горшок с углями, перекрывал его крестообразно двумя палочками, накрывал холстом и перекрещивал с молитвой: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.» После этого горшок засыпали землей так, чтобы это место не выделялось. Обряд проводился в строгой тайне⁴⁹.

Магическая символика данного обряда носила охранительный характер и была направлена на ограждение скота, всего крестьянского общества, каждой семьи и человека от возможных болезней, несчастий, утрат,

⁴⁸ Городцов П.А. Сибирская язва. С.73–74.

⁴⁹ Городцов П.А. Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда.// ЕТГМ. Вып. XXVI. – Тобольск, 1916. С.45–51. (Далее: Городцов, 1916); Городцов, 1924. С.61–70.

действий «лихих людей». Действия и набор атрибутов, участвующих в обряде «взятия скота в круг», обнаруживают ряд любопытных параллелей в пастушеской обрядности Русского Севера, в частности, в обходе стада, который совершался в первый день выгона скота.

По сообщению А.Г.Боброва и А.Е.Финченко в д.Калитинка Великодворской волости Каргапольского уезда Олонецкой губернии пастух разводил костер, вставал на колени, на крышку глиняного горшка (волох) клал угли и посыпал ладаном. Затем обходил стадо по ходу солнца три раза, начиная от костра. Проходя третий круг, доставал железные клещи и волочил их по земле вокруг стада. Наговоренный воск прикреплял между вертикальным столбом и третьей снизу жердью, когда скот прогоняли через завор (ворота).

В деревне Городок Борецкой волости Шенкурского уезда Архангельской губернии пастух в день первого выгона обходил сначала поскотину, трижды прочитав отпуск. При себе пастух имел железный предмет (топор, косу, нож), которым неоднократно в процессе обхода проводил по земле круг или чертил кресты. По углам поскотины разводил небольшие костры, угли собирал в глиняный горшок, а затем трижды обходил собранное на поляне в поскотине стадо, читая (наизусть) текст рукописи⁵⁰.

В действиях этого обряда в Тюменском уезде участвовали также воск, образ (икона), горящая свеча. Воск – неперменный компонент пастушеской обрядности, для которого характерна максимальная устойчивость во всех пастушеских традициях на Русском Севере⁵¹. В отличие от северно-русской традиции, где в воск вкатывалась шерсть, сибирские знахари заменяли её ржаным хлебом, порохом, солью (Ф.Л.Созонов), порохом и ладаном (Д.Н.Плеханов), порохом (Л.Л.Заякин).

В обрядах этой ночи присутствовал и такой атрибут, как муравейник. В деревнях Тюменского уезда в ночь на Великий Четверг проводилось заговаривание муравьёв. Утром приносили муравьиное гнездо в специальном деревянном корытце, туда с наговором наливали воду и поили овец⁵². В северной традиции муравейник являлся местом, куда пастухом прятался текст Отпуска⁵³. Таким образом, муравейник здесь – место, обеспечивающее максимальное сохранение действенности всего обрядового комплекса, направленного на обережение скота, который общество пере-

⁵⁰ Бобров А.Г., Финченко А.Е. Рукописный отпуск в пастушеской обрядности Русского Севера (конец XVIII - начало XX вв.) // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986. С.157. Обряды, связанные с обходом дома для предохранения от порчи и мора, проводились в Юрминской волости Чердынского уезда Пермской губернии, в Красноуфимском уезде в ночь на Великий четверг или в день первого выгона скота на Егорьев день. См.: Чагин Г.Н. Мировоззрение и традиционная обрядность русских крестьян Среднего Урала в сер.ХІХ – начале XX вв. Пермь, 1993. С.102, 105.

⁵¹ Там же. С.159.

⁵² Городец А.Г. Праздники и обряды. С.52–53.

⁵³ Бобров А.Г., Финченко А.С. Рукописный отпуск... С.160–161.

давало в руки пастуху. По сибирским поверьям муравьи способствовали выведению клопов, охраняли скот от болезней, сглаза, порчи, увеличивали приплод. В Каргапольском уезде Олонецкой губернии муравьи фигурируют в индивидуальных скотоводческих обрядах. Там каждый хозяин накануне первого выгона скота – «сгона», набирал в лесу муравьёв, обходил с ними двор и рассыпал их затем на петли ворот, чтобы и скотина также дружно собиралась и не терялась.⁵⁴

Таким образом, можно предположить, что обряд «взятия скота в круг», практикуемый сибирскими знахарями, генетически связан с северно-русским обрядом обхода стада в первый день выгона скота. Правда, здесь отсутствуют некоторые существенные моменты, связанные прежде всего с пастушеской атрибутикой. В вербальном сопровождении отсутствует своеобразный мотив «присушки» скота к пастуху («сбор стада» по терминологии А.Г.Боброва и А.Е.Финченко, фрагменты № 7, 8 опубликованного ими Отпуска)⁵⁵, отсутствует и музыкальный инструмент, значительно сокращено текстовое сопровождение обряда. Однако эти лакуны определялись целым рядом обстоятельств. Во-первых, материалы П.А.Городцова, в отличие от рукописного отпуска, опубликованного А.Г.Бобровым и А.Е.Финченко, отражают устную традицию. Во-вторых, утрата специфической пастушеской атрибутики связана с особенностями ведения хозяйства в Сибири. Здесь преобладал свободный выпас скота в поскотине и пастушество не было распространено⁵⁶. Закономерным можно считать и замещение личности пастуха знахарем. Ибо и знахарь и пастух принадлежали к категории сельских жителей, чьё положение в общине и отношения с её членами определялись их специфическими неземледельческими занятиями⁵⁷. Кроме того, есть свидетельства, что и в северно-русской традиции пастух оказывал знахарские услуги. «Знающего пастуха» приглашали лечить скот, а, с другой стороны, знахарь часто являлся обладателем текстов «обхода» (или «отпуска») стада и он снабжал ими «незнающих» пастухов⁵⁸. Примечательно, что в тех районах Русского Севера, где имел распространение свободный выпас скота, крестьянские общества приглашали кружевников – старых пастухов, которые в день первого выгона обходили скот, читая отпуск⁵⁹.

⁵⁴ Дурасов Г.П. Обряды, связанные с домашним скотоводством на Каргополье, в конце XIX – начале XX в. // Культура Русского Севера. Л., 1988. С.100.

⁵⁵ Бобров А.Г., Финченко А.С. Рукописный отпуск... С.139,146.

⁵⁶ Миненко Н.А. Экологические знания...С.134–136.

⁵⁷ Щепанская Т.Б. Неземледелец в земледельческой деревне (северно-русская зона, XIX – нач. XX в.). Автореф. дисс...канд ист. наук. Л.,1986. С.4–5.

⁵⁸ Она же. «Знание» пастуха в связи с его статусом (северно-русская традиция XIX – начала XX вв.// Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986. С.166–167.; Бобров А.Г., Финченко А.Е. Рукописный отпуск... С.163.

⁵⁹ Бобров А.Г., Финченко А.С. Рукописный отпуск... С.155.

О близкой связи обряда «взятия скота в круг» именно с пастушеской традицией говорят и наблюдения над их пространственной локализацией и некоторыми обрядовыми действиями. Прежде всего стоит обратить внимание на особенности проведения обряда «взятия скота в круг» во дворе (т.е. для индивидуального хозяйства). Если обряд совершался на старой, обжитой усадьбе, то начинался и заканчивался он у печи, откуда сначала брали угли, а после исполнения обряда возвращали обратно. Знахари Л.Л.Заякин и Ф.Л.Созонов начинали и заканчивали проведение обряда в доме у икон. Созонов обходил скот с иконой и зажженной пасхальной свечой, завершив обряд ставил икону на божницу и бросал медную монету под печь – соседушке⁶⁰. Если же обряд совершался на новой усадьбе, то после обхода хозяйского скота, знахарь шел не в дом, а в центр ограды, вырывал ямку и закапывал там горшок с углями. Точно также он поступал (но каждый раз!) когда проводил обряд над скотом всей деревни на покотине⁶¹. Таким образом ясно обнаруживаются различия в обрядовых действиях, которые разворачиваются в разных мифологических пространствах.

О разнонаправленности проводимых обрядов свидетельствуют и те действия, которые совершались после окончания основной части. Так, по сообщению знахаря Созонова, в тот же день (т.е. в Великий четверг) хозяйка дома должна была приготовить 3 хлебца, который хозяин относил на задний двор. Знахарь Плеханов, после завершения обряда, с четырьмя кусками свежего мяса отправлялся на росстань за селением, становился в центр, раскладывал мясо на четырех путях и, последовательно обращаясь на все стороны света (восток, запад, север и юг), трижды произносил заговор: «Черные лютые звери, серые волки, принес я вам питание-еду, не надейтесь более на меня. Аминь.» Этими действиями ограждался домашний скот от нападения волков и медведей.⁶²

Таким образом, совершенно четко наблюдается зависимость характера действий от степени освоенности пространства. Обряд «взятия скота в круг», проводимый во дворе, был обращен к персонажам обитавшим прежде всего во дворе (дедушко-соседушко, домовый, хозяин). Двор – пространство уже освоенное и именно поэтому обряд, начинаясь у наиболее значимого места, сакрального центра жилого пространства (красный угол, печь) у него же и заканчивается⁶³. Знахарь (или хозяин) проходит путь от центра к периферии и возвращается обратно, замыкая таким образом сакральный круг.

⁶⁰ *Городцов П.А.* Праздники и обряды... С.42–45, 51–53.

⁶¹ Там же. С.45–51; *Городцов П.А.* Сибирская язва. С.61–65.

⁶² *Городцов П.А.* Праздники и обряды. С.51.

⁶³ Обряды у этих мест занимают центральное место в процедуре новоселья, т.е. освоения пространства нового дома. См.: Байбурун А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С.116, 117, 149–168.

Вариант обряда, заканчивающийся закапыванием горшка в центре ограды, следует, по-видимому, рассматривать как завершающий этап доместикации жилого пространства, который устанавливает окончательную связь между внутренним пространством дома и пространством усадьбы. В обоих случаях хозяин дома или знахарь обращались к однопорядковым персонажам – своим предкам⁶⁴. Пастушеский обряд, проходивший в пограничном месте, между освоенным пространством мира деревни и неосвоенным пространством – лесом, полями – был ориентирован на урегулирование отношений с миром неизвестности и теми персонажами, которые в нем обитали. Здесь крестьянское общество противопоставлялось внешнему миру, неосвоенному, месту обитания не-родственников – заложных покойников⁶⁵. Обряд «взятия в круг» общественного стада проводился на границе поселения – покотине, которая одной своей частью обращена к миру людей, а другой соприкасается с миром не-людей, отношения диалога с которыми принципиально невозможен⁶⁶. Именно поэтому домового в новый дом или усадьбу приглашали, а затем периодически просили блюсти хозяйство, беречь и кормить скотину. При обходе же скота преобладают мотивы защиты, ограждения огненной рекой, железным тыном, нетленными ризами. В Сибири эту картину дополняли лошадиные черепа, вывешиваемые на кольях горотбы, главным образом у ворот, ведущих в лес, поле⁶⁷, священные «деревянные», «живые» костры, разводимые по обе стороны у ворот, ведущих в соседние деревни. Такие дымокуры с «назьмами», были широко распространены в Сибири и настоятельно рекомендовались как средство, отпугивающее кровососущих насекомых, администрацией в XVIII – первой половине XIX вв.⁶⁸ И наконец – выстрелами. Каждый вечер, обычно молодые люди, становясь спиной к деревне, делали залпы из ружей в сторону леса, поля, отпугивая болезнь.⁶⁹

В работе П.А. Городцова присутствует и другое очень редкое свидетельство – об олицетворении сибирской язвы. Тавдинские крестьяне представляли её в виде лесного духа женского вида, обитающего в удаленных местах, в лесной глуши, болотах. В народе её называли «лесная, дикая и страшная женщина». Она представлялась большой, рослой, средних лет, крепкого «и даже сильного», телосложения, с темным обветренным лицом, босой, простоволосой, темные волосы спадали «космами» на плечи. Одежда её состояла из плохой самотканой рубашки, опоясанной веревкой, сделанной из неочищенного лыка, или воровины (сделанной из конопли).

⁶⁴ Байбури А.К. Жилище в обрядах... С.108–111; Власова М. Новая АБЕВЕГА русских суевений. СПб., 1995. С.126–127, 321–322.

⁶⁵ Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995. С.88–93 и др.

⁶⁶ О проницаемости покотины как пограничного объекта, говорит то обстоятельство, что на покотине можно было встретить сибирскую язву в виде женщины. См.: Городцов С.57.

⁶⁷ Городцов П.А. Сибирская язва.... С.60–61; Байбури А.К. Жилище в обрядах... Указ. соч. С.64–65.

⁶⁸ Петерсон И. Лечебник... С.22; Городцов П.А. Сибирская язва... С.58–59; Макаренко А.А. Почитание огня у крестьян сибиряков Енисейской губернии.// ЖС. 1897. Вып.1–II. С.247–249.

⁶⁹ Городцов П.А. Сибирская язва.... С.59.

Иногда в руках у неё была суковатая палка. Встречали её в лесах, на боло-тах, в жаркое время года, иногда вблизи селения и даже на поскотине.

Сибирская язва по народным поверьям обладала способностью к оборотничеству. «Любимым» её зверем был медведь. Охота на медведя, особенно в летний период, считалась опасной, т.к. могла спровоцировать эпидемию⁷⁰.

Сибирская язва принадлежит к семейству женских персонификаций болезни. Правда, в отличие от воплощений других болезней, например холеры, лихорадки, коровьей смерти, она не представляется безобразной старухой, устрашающего вида⁷¹. Более того, наряду с представлениями, характеризующими её как отрицательный персонаж (простоволосая, босая) среди крестьян имело распространение такое мнение, что ей ничто не мешало накинуть на голову «платчишко», а на плечи «шабурешко и натянуть на ноги чарки или броднишки»⁷². Есть основания полагать, что сибирская язва – специфический сибирский персонаж. Во всяком случае, в генетически более близком северно-русском лексическом материале, он не отмечается⁷³.

Таким образом, в противовес практическим знаниям и профилактическим (оберегающим) мерам, отличающихся довольно значительной устойчивостью, которая может быть прослежена на значительном временном отрезке, а значит и были принесены в своей основе русскими колонистами в Сибирь, представления о сибирской язве сформировались уже здесь. Однако, это ни есть какой-то совершенно новый образ. Напротив, он обнаруживает массу отдельных параллелей со множеством мифологических персонажей женского цикла восточнославянской низшей мифологии. Очевидно, более логично было бы предположить, что в этом образе соединились как в калейдоскопе определенные структурные части, которые вырабатывались народной культурой для описания тех явлений, полное рациональное постижение которых на данном этапе развития было невозможно. Вероятно, что здесь проявилась та культурная память, которая «строится не только как склад текстов, но и как определенный механизм порождения»⁷⁴.

Сибирская язва настолько тесно была связана с благополучием крестьян, что в их среде постепенно сложилось более или менее определенное и целостное представление о болезни, источники которого несомненно восходят к общеславянским демонологическим персонажам женского цикла⁷⁵, с одной стороны, а с другой стороны, являются продуктом коллективного многовекового опыта и наблюдений.

⁷⁰ Городцов П.А. Сибирская язва.... С.55-57.

⁷¹ Власова М. Указ соч. С.191-192, 220-227, 335; Мифологический словарь. М., 1990. С.123.

⁷² Городцов П.А. Сибирская язва... С.56.

⁷³ Черепанова О.В. Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983.

⁷⁴ Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры // Избр. тр. Т. I: Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С.245.

⁷⁵ Возможно, что этот набор признаков являет собой продукт расщепления некогда единого женского божества – Великой богини, реконструируемого А.Голаном. См.: Голан А. Миф и символ. М., 1993. С.164-188.